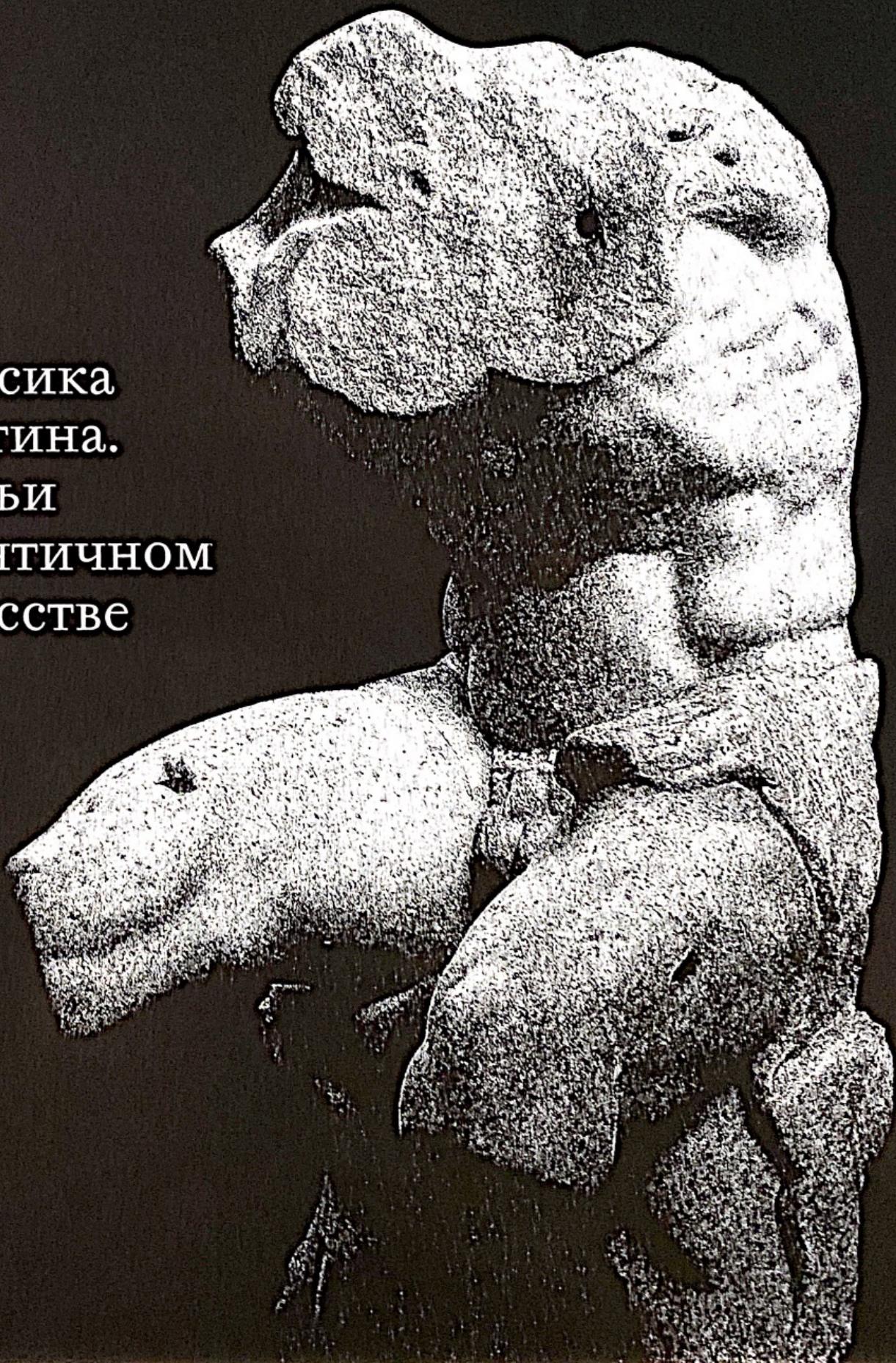
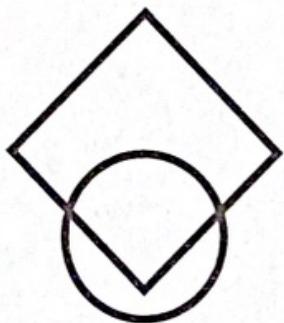

Дмитрий
Молок

Классика
и истина.
Статьи
об античном
искусстве

АНТОЛОГИЯ
ИСКУССТВОЗНАНИЯ
ХХ ВЕКА

in artibus
foundation

ДМИТРИЙ МОЛОК

КЛАССИКА И ИСТИНА.
СТАТЬИ ОБ АНТИЧНОМ ИСКУССТВЕ

**ДМИТРИЙ
МОЛОК**

**КЛАССИКА
И ИСТИНА.
СТАТЬИ
ОБ АНТИЧНОМ
ИСКУССТВЕ**

«ДЕФИ»
Москва, 2016

УДК 7.032
ББК 85.103(3)
М75

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
Российский государственный гуманитарный университет

Составители

Николай Молок, Елена Савостина, Елена Шарнова

Подготовка текстов, подбор иллюстраций

Николай Молок

М75

Молок, Дмитрий.

Классика и истина. Статьи об античном искусстве / Дмитрий Молок. —
М.: Издательство «ДЕФИ», 2016. — 296 с., ил.

В книге собраны статьи Дмитрия Юрьевича Молока (1959–2014), посвященные античной культуре и искусству: как знаменитым памятникам древности (Венера Милосская, Бельведерский торс, Колизей, фрески Виллы Мистерий в Помпеях и др.), так и некоторым общим художественным проблемам («архаическая улыбка», метафора порога, метаморфозы зеркала, модель «оживающее искусство — оценевший зритель»). Автор предстает здесь в различных ипостасях: и как исследователь, и как возвышенный почитатель, наблюдатель разнообразных вещей и явлений, пытающийся расшифровать их облик, и как художественный критик, чьи эссе отсылают к винкельмановской традиции «поэтических описаний».

ISBN 978-5-9907135-0-5

© Молок Д.Ю., наследники, текст, 2016

© Савостина Е.А., предисловие, 2016

© Шарнова Е.Б., послесловие, 2016

© FaroStudio, дизайн, 2016

© ООО «ДЕФИ», 2016

Содержание

9	Благодарности
11	Елена Савостина. Предисловие
I.	
18	Художественные структуры в античном искусстве: опыт их изучения
II.	
42	Черты имплицитной мифологии в надгробиях греческой классики
60	Метафора порога.
72	Поэтика и семантика в античном искусстве Надгробие воина. Памятник и проблемы
III.	
92	Метаморфозы зеркала
116	Геммы. Резные камни Древнего мира
130	Происхождение фронтонной композиции
162	Сон Сципиона.
180	Сновидение и политика в Древнем мире Фрески Виллы Мистерий: проблема интерпретации
198	Комментарий к «Описанию Бельведерского торса» Винкельмана
212	Рильке об «архаической улыбке»
IV.	
230	Opuscula (Семантологические прогулки)
240	[Археология и искусство]
244	«Теория стадиального развития искусства» Р.Б. Климова
248	«Искусство Древней Греции» Л.И. Акимовой
252	Венера Милосская

256	Колизей
260	Апофеоз и триумф. Официальное искусство Древнего мира
264	Классика и истина

V.

271	Елена Шарнова. Послесловие
274	Дмитрий Молок. Список опубликованных работ
280	Список иллюстраций
285	Указатель

Благодарности

Митя не хотел издавать сборник своих статей — мы как-то говорили с ним об этом. Он мечтал написать большую книгу о поэтике древнегреческого искусства... Когда Мити не стало, его друзья — очень настойчиво и категорично — призвали меня издать корпус его работ. Я безмерно благодарен его однокурсникам и коллегам, которые таким образом оказались инициаторами этой книги.

Подготовка книги, как я думал в самом начале, не должна была вызвать особых проблем: Митя сам составил список своих статей и бережно, на отдельной полке, хранил те издания, где они были опубликованы. Однако оказалось, что отбор статей, их редактирование, унификация и апдейт — куда более сложная задача, с которой я бы не справился без Елены Савостиной и Елены Шарновой — я глубоко им признателен. Кроме того, я бы хотел поблагодарить Ирину Чекмареву, Андрея Шелютто и Михаила Шишлянникова за их отзывчивость и увлеченную работу над книгой.

Наконец, не могу не сказать о дружеской помощи Милены Орловой и Елены Руденко, которые рекомендовали эту книгу фонду IN ARTIBUS, а также Анны Корндорф и Елены Ландэ, которые приняли живое участие в реализации проекта. И конечно, без доброжелательности, заинтересованности и поддержки Инны Баженовой эта книга едва ли увидела бы свет.

Николай Молок

Елена Савостина.

Предисловие

Каждая книга имеет свою судьбу и свое предназначение, но это не всегда лежит на поверхности, а потому предполагает пояснения.

«Классика и истина» — книга, составленная Николаем Молоком в память брата, Дмитрия Молока, связавшего свои профессиональные интересы, свою жизнь с искусством античности. Здесь собраны наиболее значимые работы, показывающие развитие его творчества и отражающие его этапы. Список изданных трудов (с. 274) позволяет познакомиться с кругом интересов автора. Он же дает представление о том, где и когда эти работы были написаны и опубликованы.

По сути, книга задумана как некий знак, символ, как памятник. Несомненно, ее идея сродни классической мемориальной стеле, которую эллины поставили бы в честь того, кто покинул этот мир. Но то — лишь часть ее предназначения. В книге безусловно проявляется личность автора, его творческий и человеческий образ приобретает ясные и узнаваемые черты, и Митя «возникает» перед читателем как Герос перед зрителем на стеле: молодой, сильный и бессмертный. Время уже не властно над ним, а его мысли, его взгляды материализуются.

Собственно, идея прочтения образа на классической стеле как эпифании умершего на пороге могилы разрабатывается Дмитрием Молоком в ряде работ и является одной из его значительных научных находок. Так что и эта метафора навеяна им самим в статьях, вошедших в книгу: «Черты имплицитной мифологии в надгробиях греческой классики» (1988), «Метафора порога. Поэтика и семантика в античном искусстве» (1990).

Каким же предстает читателю-читателю автор в своем метафорическом проявлении?

Можно видеть, что его рабочая жизнь разделена на несколько периодов. Самый первый и насыщенный — с 1980-х до середины 1990-х годов — связан с работой в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Именно тогда обдумываются главные темы, касающиеся искусства Греции, потом они получают отражение

в более общих заметках и эссе, в том числе в «Семантологических прогулках» (1990).

Еще один этап жизни прошел в РГГУ, где Митя, защитивший в 1996 году в Государственном институте искусствознания кандидатскую диссертацию (по докладу «Художественные структуры в античном искусстве: опыт их изучения»), преподавал на кафедре всеобщей истории искусств факультета истории искусства. В начале 2000-х годов он оставил карьеру преподавателя и дальше жил тем, что писал статьи для энциклопедий и журнала «Артхроника», который весьма успешно вел его брат Николай.

Но нужно ли рассказывать эти подробности жизни, когда речь идет о науке, в общем-то, от нее с некоторых пор оторванной? Да, в данном случае нужно. Дело в том, что в его характере и судьбе было что-то, что не давало ему возможности полностью раскрыться, а также утвердиться в профессиональном социуме. Он был как бы немного вне реалий сиюминутной жизни, и систематическая поденная работа, будь то редактирование музейных изданий или чтение курсов, не то чтобы не могла его увлечь, но явно была не для него, и сам он не мог с этим справиться. Ярко одаренный, образованный, талантливый во многих своих проявлениях Митя не смог социально закрепиться в профессиональной среде. И это воспринималось и до сих пор воспринимается как некий укор самой среде (нам всем), но всё понимая, ничего невозможного было изменить. Наверное, потому так остра необходимость представить, что же было сделано им, и так же важно, чтобы это было понято и сохранено.

Мы пересеклись на службе в ГМИИ, когда музей интеллектуально был на взлете, научная жизнь выходила далеко за рамки музейных нужд, мы были еще разновозрастной «молодежью», опекаемой, поддерживаемой Ириной Евгеньевной Даниловой, а нередко и не педагогически возносимой ею на посты, с которых время от времени кто-нибудь рушился. Тогда казалось, что интересное время — впереди. А оно как раз в тот момент и протекало.

И вот теперь, уже по прошествии стольких лет, стоит посмотреть на то, чем занимался тогда Митя. Что читал. Как работал.

Именно к этому времени относится упомянутая серия работ о греческих надгробиях. Помимо указанных выше статей, где разрабатывается тема имплицитной, скрытой мифо-

логии, проявленной в изображениях на стелах, он рассматривает два новых памятника греческого искусства, найденных в Северном Причерноморье, на Боспоре (Таманский рельеф и Стелу аспидофора — юноши-оруженосца со щитом), где несколько сезонов и сам Митя провел в составе археологической экспедиции, исследовавшей древний Пантикопей. Его анализ памятников («Надгробие воина. Памятник и проблемы», 1991–1999) показывает профессиональное знание и глубокое понимание природы греческого искусства, представление о главенстве общего и, вместе с тем, важности деталей. Он справедливо ставит вопрос о соотношении греческого искусства и боспорской локальной художественной традиции и делает ряд существенных замечаний, касающихся «известного перетолкования» аттической иконографической традиции (с. 87). Приведенный в заключении статьи вывод о возможности существования «официального пифагорейства на Боспоре» (с. 88) как бы не совсем из этого следует и несколько удивляет, но в этом также проявляется «стиль автора», предлагающего не всегда последовательные решения — то, как он видит проблему и ее понимает, а может, интуитивно предчувствует новое определение.

Нужно сказать, что интуиция — тонкое чутье, проникновение в самую суть предмета, ведет его в разнообразных направлениях. Хотя возможно, что тема «Метаморфозы зеркала» (1985–1991) как-то связана с продолжением разработки мотива границы миров, отражения и перевоплощения. Молок рассматривает ее на широком фоне — и для античности, обобщая этрусско-римскую и греческую традиции, а также для Средневековья и Нового времени. Это было свойственно тому этапу нашей науки, когда, как он пишет в одной из статей, «московская семантологическая школа научила нас видеть в культуре примат смысла, ради которого явления возникают и навстречу которому они развиваются» (с. 61). Действительно, многое тогда представлялось в более тесной, ясной и вневременной взаимосвязи, чем можно было бы думать теперь. «Семантологическая школа», похоже, так и не сложилась (в ГМИИ, во всяком случае), но кажется, что автор абсолютно прав, прия с помощью этого метода к выводу, что «в самой вещи оказалась запечатленной система ценностей и мировосприятие древних, видевших полноту ее смысла» (с. 115). Сейчас это высказывание не кажется чем-то особыенным. Но в те времена музейная «взрослая» среда

(состоящая в том числе из коллег-антиковедов) не вполне и даже совсем не разделяла устремлений «понять» вещь, а не только описать ее и атрибутировать.

Высказанный в «Метаморфозах» тезис подтверждает и статья «Происхождение фронтонной композиции» (1997), где «возможности семантологического анализа» испытывались на монументальных искусствах древности (с. 131). Предложения собственных трактовок сюжета и анализа композиции соседствуют здесь с авторской поэтической образностью. По мысли Молока, и храм «не просто возводится из камня», в нем также «застывает» древний символический смысл (с. 148). Тут пропадает и уже знакомая исследовательская линия: на восточном фронтоне храма Зевса в Олимпии «... происходит эпифания. Здесь, невидимый для других персонажей фронтона, является Зевс как судьба, как приговор и как загадка...» (с. 148).

Тема судьбы, пророчества, вещих снов прослеживается в работе «Сон Сципиона. Сновидение и политика в Древнем мире» (1994). В ней Молок выступает не только в качестве философа, но и как филолог, бесстрашно сопоставляя значения слов «сон» и «сновидение» в разных языках, а воззрения Фрейда с представлениями Артемидора и Аристотеля.

После музея и РГГУ Дмитрием Молоком публиковалось мало исследовательских работ, его больше привлекали краткие статьи в энциклопедиях. Но совершенно очевидно, что он не переставал заниматься античностью — читать и думать в ее «семантологическом» поле. Об этом свидетельствуют не только эссе, не только заметки в жанре художественной критики, но и объемная статья, итог многолетних размышлений: «Фрески Виллы Мистерий: проблема интерпретации» (2010). На ее примере можно сказать, что автор не потерял формы за это время, не притупился его глаз, отточились мастерство композиционного анализа, язык стал более красочным и емким. Статья обобщила многие темы, затронутые автором в ранние годы. В том числе снова подняла тему зеркала — отражений и перевоплощений, явленных и в римских мистериях.

В этой книге Дмитрий Молок предстает перед читателем в различных ипостасях: и как исследователь, и как взвышенный почитатель, наблюдатель разнообразных вещей и явлений, пытающийся расшифровать их облик, проникнуть в смысл и суть, связать все воедино.

Он эмоционально переживает, «прочувствует» памятник и загорается не только от созерцания самого его, но и от прочитанного по этому поводу. Можно сказать, Митя вдохновляется прочитанным, и это часто определяет тематический выбор его собственных работ — он то обращается к знаменитым памятникам и явлениям, рассмотренным классиками науки о древности: к Бельведерскому торсу, прославленному опусом Винкельмана (1984), то пишет сильную лирическую работу об архаической улыбке, навеянную пронзительной поэзией Рильке (1992–1997).

И в ранних работах уже очевидно: он — романтик. Но романтик не отвлеченного от самого памятника смысла, а рассматривающий «греческое искусство в категориях самой античности» (с. 20; 250), рассуждающий «о смысле античного искусства в его полноте».

Нельзя не заметить в решении проблем, заданных в отдельных статьях, некоторой неровности, неравнозначности «зачина» и результата в предложенной теме (таков и доклад по диссертации — начавшись с глобальных идей, он свелся к предмету более частному). Тема не всегда последовательно решается в том ключе, как она сформулирована в начале. Но в том, что касается более общих, принципиальных и определяющих вещей, утверждения автора не являются голословными: практически в каждой работе уже в самой постановке проблемы есть та глубина, которая свидетельствует о том, что образ античности в сознании автора — «целокупный» (с. 19), необходимость чего им утверждалась в различных текстах. Во многих определениях им явлена «возвышенность и точность» (с. 122): возвышенность цели — проникновение в суть предмета, точность — в ее понимании.

Возможно, о каких-то достижениях Мити можно было бы сказать его же собственными словами, написанными по поводу иного автора: «Иногда он делает наблюдения, от которых не отказался бы и Вельфлин» (с. 246). Во всяком случае, он овладел точностью определений, пытаясь составить себе полное представление о предмете, и явно выработал свой стиль, по-Вельфлину, «манеру видения».

«По греческому поверью <...> путник обретает память, проходя мимо надгробия в греческом некрополе...», — написал Дмитрий Молок (с. 64). Как и многие другие, это положение автора не утратило своей актуальности.